

ДЫХАНИЕ · КНИГА ПЕРВАЯ
РОМАН В ПРОДОЛЖЕНИЯХ

ВОСЬМОЙ УЗЕЛ

*Здоровые платформы молчат.
Гудит только то, что болит.*

LadyJZV -

Дыхание-Восьмой узел

<https://litres.ru/74496509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город живёт внутри гигантской расщелины. Воздух и свет ему дают платформы, а место человека в этом мире определяет грейд — цифра на запястье. От неё зависят дом, еда и то, какие двери перед тобой откроются.

У Икс — двойка. Но её способности не укладываются в эту цифру.

Девять лет она ищет след одной женщины, собирая прошлое по чужим архивам. Встреча с бригадой 61 даёт ей шанс найти ответы. Только люди, предложившие ей остаться, не знают, что она скрывает от всех.

Рядом с ними Икс находит то, чего не искала: своё место и любовь. Но близость оказывается не менее опасной, чем тайны прошлого.

Как остаться собой, когда даже собственные чувства трудно отличить от чужих?

LadyJZV -

Дыхание-Восьмой узел

Глава 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УЗЕЛ

— Тринити. Где он?

Она не обернулась.

— Я не знаю.

— Тринити.

— Я не знаю!

Бета подождал.

Тринити смотрела на стену, хотя смотреть там больше было не на что.

— Со мной он тоже не выходил на связь.

Тринити дотронулась до браслета.

Альфа уходил и раньше — на цикл, на два, иногда дольше. Бета привык ждать его без маршрута и без обещания вернуться к определённом часу, зная только, что рано или поздно он вернётся. Но наряд под восьмёрку Альфа до этого момента не пропускал ни разу.

Бета посмотрел на дальний край карниза. Оттуда приходил только ветер. Третий час они стояли здесь и ждали.

Осталась одна платформа — один узел.

Гудение шло из самой платформы — низкое, ровное, на одной ноте.

За три часа от него отяжелела голова, и Бета всё чаще поворачивался к открытому краю, стараясь расслышать ветер между фермами внизу. Но гул оставался рядом, перекрывал остальные звуки и тянул внимание обратно к панели.

Здоровые платформы молчат. Гудит только то, что болит.

Карниз огибал платформу узкой лентой без ограждения. Между стеной и краем оставалось полтора шага; чтобы пропустить другого, приходилось поворачиваться боком и прижимать к себе инструмент. Воздух поднимался от нижних ярусов, свистел в просветах настила, и Бета стоял ближе к платформе, оставляя открытый край свободным.

Клещ переложил своё крепление из руки в руку.

— Полтора шага, — сказал он.

— Что полтора шага? — переспросила Швея.

— Стоим на них третий час.

Он отодвинул ногу от края. Носком проверил, где кончается настил, и отодвинул ещё.

— Могли бы делать пошире, — добавил он.

Тринити подошла к панели в четвёртый раз, снимая перчатку на ходу. Клещ прижал локоть, пропуская её, и Бета повернул голову вслед. Ему панель уже отказала. Тринити была третьей по рангу; за ней пробовать больше некому.

Она положила ладонь на гладкую панель, вросшую в платформу.

Над пальцами проступило дерево узлов. Нижние ветки обрывались в красноте.

Панель думала дольше обычного.

Бета ждал.

«В доступе отказано».

Тринити убрала руку, вытерла ладонь о бедро и натянула перчатку.

— Четвёртый раз, — сказала она.

Швея не подняла головы от жилы.

— И четвёртый раз одно и то же.

Бета отвёл взгляд от панели. Руки держал за спиной. Большой палец упирался в костяшки другой руки.

Платформа загудела чуть выше.

— Сколько у нас времени?

Тринити повернула браслет к себе и открыла ведомость.

— До конца смены. Потом нужно закрывать.

— Придержаться можешь?

— Нет. Только до конца смены.

Бета снова повернулся к стене. Прямо перед ним в старом шве сидел жучок, оставшийся там, где закончил свою работу. Вокруг него вещество давно сомкнулось с краями починки; неподвижный силуэт едва выделялся на тёплой стене платформы.

Молодой перестал складывать инструмент в подсумок.

— А если не успеем? — спросил он.

Бета посмотрел на панель. Это была последняя строка в

наряде. Всё остальное они закрыли.

Если не примут наряд — снимут ордер на поля. И отдадут 20-й. Той самой, у которой его выиграли. На четверть балла.

Бета не ответил. Остальные тоже молчали.

— Может, он не знает? — сказал Молодой.

— Наряды приходят всем, — сказала Тринити. — Мой пришёл в начале смены. Значит, и его.

Швея размотала полвитка и смотала обратно.

— Стоим, — сказал Клещ.

— Пока да, стоим, — повторила Швея.

— А если у 19-й попросить? — спросил Молодой. — У них двое восьмых в команде.

— И у 20-й один есть.

Никто не засмеялся и не повернулся к нему.

Швея намотала жилу на локоть.

— Попроси, — сказала она. — И заодно скажи им, что у нас нет Альфы.

— Они этого и ждут.

Молодой замолчал.

Стоять у панели дальше было незачем. Команда отошла за изгиб карниза и села у стены ждать.

С другой стороны платформы зашли на посадку.

По звуку — не транспорт. Не рой.

Кто-то свой — но не из их команды.

Крылья сложились раньше, чем ноги коснулись настила: два коротких движения, без звука, без единого лишнего

взмаха.

Карниз был пуст. Команду за изгибом она не видела, и её не видел никто.

Она подошла к панели, сняла перчатку и убрала её за пояс. Приложила ладонь.

«В доступе отказано».

Это слышала вся команда. Они сидели за изгибом, надеясь на то, что Альфа всё-таки вернётся к платформе. Смотреть никто не пошёл.

Девушка осталась у стены, откуда внизу был виден город. Ярусы уходили вниз один за другим, настилы пересекались с фермами и постепенно терялись в бурой мути.

Под ней, в самом низу, начиналось то, куда не спускались уже двадцать поколений. Она видела этот город с других карнизов и знала: чем дальше смотришь вниз, тем труднее различить отдельные переходы.

Здесь всё тоже сливалось в неподвижную глубину.

И только платформа не спала.

Девушка чуть склонила голову и приподняла правое крыло, раскрывая его только на треть.

Теперь ветер тронул кромку крыла; она переставила ногу ближе к платформе и удержала крыло под тем же углом.

Гудение шло в мембрану крыла раньше, чем в уши.

Верхняя нота заполняла всё, но под ней временами проступала другая, ниже, и девушка понемногу меняла наклон, пока не отделила её от общего звука.

Ветер продолжал тянуть раскрытую поверхность. На таком карнизе стоило потерять опору — и её стащило бы за край. Она не отступила.

Нижняя нота стала отчётливее.

Она приходила не из восьмого узла.

Девушка сместилась на шаг влево.

Ладонь слегка ушла в сторону от панели, туда, где панель кончается и начинается сама платформа.

Панель ничего не спросила. Под рукой что-то щёлкнуло.

Красное в дереве узлов поползло вниз — ветка за веткой, до самого корня, — и дерево погасло.

Девушка подняла взгляд и только после этого сдвинула ладонь обратно на панель.

И держала её там, слушая.

«Работа принята».

Вся команда обернулась.

Никто не сдвинулся с места.

Кто-то позади обронил счастливо:

— Альфа?

Но голос сорвался.

Швея встала с карниза, за ней встал Бета. Теперь они увидели, что около панели стоит человек.

Это был не Альфа.

Бета разглядел её только теперь: потёртый лётный контур по фигуре, закрытые до самой ладони манжеты и пустое плечо, на котором не было ни номера, ни позывного.

Обычная девушка, лет двадцати, невысокая и собранная. По карнизу пошёл шёпот. Спрашивали не её — друг у друга, вполголоса.

— Она его закрыла?

— Дерево погасло.

— Я видел.

— Ты стоял спиной.

— Всё равно видел.

Молодой придвинулся к Тринити.

— Из какой она команды?

Тринити смотрела на плечо девушки, где должен был стоять номер команды.

Гудение платформы прекратилось.

Разом.

Клещ поднял голову. Между фермами проходил ветер, и теперь его было слышно отдельно, без сплошного гула. Бета ещё ждал, что платформа загудит снова, но она молчала. Тяжесть в голове понемногу проходила.

— Она не гудит.

— Совсем.

— Я так и не понял, кто это. Из соседней, что ли? — Клещ спрашивал в пустоту.

Девушка подняла голову.

Когда она заходила на посадку, карниз был пуст. Теперь на неё смотрели все, и девушка, переведя взгляд с одного лица на другое, снова опустила глаза к руке.

Нужно было закончить и уходить. Под ладонью уже шло другое — длинное, к ремонту отношения не имеющее. Платформа отдавала историю.

Она сняла ладонь с панели и повернула руку к себе, ближе к груди. Над запястьем поднялась развёртка, плоская, в ладонь шириной. Строки шли одна за другой; девушка смахивала их, едва успев дочитать начало, и только на одной задержалась. Вернулась назад, прошла её ещё раз от начала до конца и сжала губы.

«Опять не то», — с досадой отметила она про себя.

Она убрала развёртку и натянула перчатку. Оба крыла развернулись почти полностью — огромные, каждое ростом с человека. Девушка повернулась к открытому краю.

Теперь на карнизе их было шестеро. Вместе с ней.

Тринити переглянулась с Бетой.

— Не надо, — сказала Тринити в его сторону.

Но он уже шёл вперёд.

— Подожди.

Она не остановилась.

— Постой.

Крылья пошли вниз, воздух под ними уплотнился.

Бета сорвался с места и успел на полшага раньше, чем она оттолкнулась.

Он поймал её за руку.

Девушка замерла.

Она посмотрела на его пальцы.

— Мне нужно идти, — сказала она вежливо и чуть виновато.

— Дай пару секунд.

Бета не отпускал.

Он чувствовал, как она уводит запястье — вниз и вбок, очень мягко, коротким привычным движением. Он не разжал пальцев.

— Мне правда нужно уходить.

— Я тебя отпущу, — сказал Бета.

Он держал взгляд и не отвёл первым.

Она промолчала. Крылья сложились.

Бета разжал пальцы. Девушка отступила на полшага.

Только тогда девушка посмотрела на его плечо.

На контуре стояли два знака: номер бригады и позывной. 61-я. Бета. Второй в команде, а на объекте — главный, пока нет Альфы.

Значит, она вскрыла узел под восьмёрку рядом с теми, кто понимает цену такой работы.

Пару секунд. Он сам попросил.

— Как ты это сделала?

Глаза она подняла не сразу и так, что вопрос будто не дошёл.

— У тебя восьмёрка?

Девушка тронула манжету.

Смотрела она не ему в лицо, а чуть мимо — за плечо.

— Я его не закрывала, — сказала она. — Я его слушала.

Бета не мог связать её ответ с погасшим деревом. Девушка стояла вполоборота к краю.

— Сдай этот объект с нами, — продолжил он.

Девушка подняла на него глаза.

— Ты его уже закрыла. Но пока наряд не приняли, этой работы нет.

Тринити подошла и дёрнула его за руку, чтобы он повернулся.

— Строку смотреть будут, — сказала она шёпотом. — В ней должна стоять восьмёрка. А кто она, мы не знаем.

Бета тронул слепок на поясе. Коротко, как проверяют, на месте ли то, без чего не выйти.

Девушка молчала.

— Нет, — сказала она. — Мне нужно уходить.

— Ты здесь что-то искала, — продолжил он после короткой паузы.

Она стояла и держала себя за запястье.

— И не нашла, — добавил Бета.

— Мне всё равно, что ты ищешь, — сказал он. — Я спрашивать не буду.

Он показал подбородком вниз, туда, где под ними шли ярусы.

— У меня есть весь архив этого квадрата. Тридцать платформ, четыре перегонных, две станции, больше двухсот узлов.

Девушка не ответила.

— Всё, что мы закрыли.

Кто-то шумно втянул воздух.

— Сдай объект с нами. И я отдам его тебе.

Пальцы на запястье сжались сильнее.

— А если рамка меня не пропустит?

— Пропустит.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь понять, правильно ли услышала. Целого архива квадрата у неё не было ни разу.

Девять лет она переходила из квадрата в квадрат, работала там, где удавалось, и собирала историю по частям. С одной платформы можно было считать несколько узлов, но до каждой приходилось добираться самой, искать подход и ждать, когда никто не помешает приложить руку. Иногда ради этого возвращалась несколько раз. Забирала старые записи, перебирала даты и составы — и летела дальше.

Она искала одно имя, не зная ни бригады, ни года, ни платформы. В следующем квадрате всё начиналось заново: чужие работы, чужие люди, среди которых могло оказаться то, что ей нужно.

А у него история этого квадрата уже была собрана, вместе с тем, до чего она сама ещё не добралась.

— Зачем так много?

— Затем, что мне надо, чтобы ты согласилась.

Она отвела глаза.

— Я просто путешественник.

— Я не спрашивал, кто ты.

Девушка разжала и сжала пальцы.

— Хорошо, — сказала она.

Он вернулся к панели, снял слепок с пояса и приложил к платформе — туда, где только что лежала её ладонь. Панель помнила заходы сама; слепок фиксировал работу команды.

«Объект закрыт. Бригада 61. Узел 8».

Бета уже собирался убрать слепок.

Идентификации не было.

Он проверил ещё раз. Работа принята, а запястье, которое её сделало, нигде не отметились.

Слепок подтянул восьмёрку сам.

Единственную в составе 61-й.

Альфа.

Строку он не менял. В ней стоял Альфа. Поправлять он не стал.

Тринити стояла там же и всё видела.

— Как ты себе это вообще представляешь?

Она посмотрела на его пояс — туда, где висел слепок Альфы, — и замолчала.

Бета носил его слепок с собой.

— Всё остальное сделаю я, — сказал Бета.

— Всё остальное?

— Да.

— Я под этим не подписываюсь, — сказала Тринити.

— И не надо.

— Объяснять будешь ты. Не я.

Она отвернулась и ушла к команде.

Команда пошла по карнизу к проходной. Девушка — следом.

На ходу Тринити развернула над запястьем ведомость. Строка восьмого узла уже стояла закрытой, и напротив неё — Альфа.

Тринити смотрела на неё дольше, чем на остальные. Потом закрыла ведомость.

— Засчитано, — сказала она Бете. — Успели.

Бета промолчал.

Зато слышали впереди.

— Засчитали? — Молодой обернулся на ходу.

— Засчитали.

— Ордер наш?

— Пока наш, — сказала Швея.

Клещ разжал пальцы на креплении, посмотрел на них и снова сжал.

— Четверть балла, — сказал он. — Пусть теперь 20-я постоит.

До конца смены оставалось меньше часа.

Коридоры проходной шли вниз.

Здесь не летали. Крылья складывали ещё на входе — старое правило, которого никто не объяснял.

В сложенном виде они ложились вдоль спины двумя узкими полосами, по одной с каждой стороны позвоночника, и почти не выступали за плечи.

Стены тут были тёплые и глухие, а по потолку тянулись каналы с бледной зелёной взвесью: она двигалась медленно.

Девушка подняла голову и проследила ближайший канал до изгиба, за которым он исчезал из виду.

Клещ расправил плечи и понемногу разминал затёкшие ноги.

Швея несла жилу на локте; свободный конец задевал её бок, и девушка впервые отчётливо услышала этот шорох. На карнизе его заглушала платформа.

Здесь звуки разделились: шаги по настилу, стук инструмента в подсумке Молодого, голоса впереди. Она шла за ними, прислушиваясь, и с каждым поворотом всё реже ждала, что снова проступит низкая нота платформ.

Команда растянулась цепочкой. Впереди выясняли, кто кому остался должен мерку с прошлого раза, и девушка изредка пыталась уследить за разговором, переводя взгляд с одного на другого. Отвечали через плечо, иногда сразу двое; пока она пыталась разобраться в одном диалоге, вспоминали следующий. Выходило, что должны все и всем, но по голосам никто особенно не спешил получить своё.

— Кто мне мерку проспорил в прошлый раз? — спросила Швея.

— Не я, — сказал Молодой.

— Ты. Две.

— Одну. Вторую я уже отдал.

— Ты и тогда так говорил, — сказал Клещ.

Передние на поворотах ненадолго скрывались, и девушка видела то плечо Швей, то подсумки Молодого. По голосам уже различала, кто шёл дальше. Когда проход становился уже, шаги сближались; стоило выйти из поворота, и между людьми снова появлялось место.

— Молодой, ты чего два несёшь?

— Один мой.

— А второй?

— А второй Тринити отдала. Сказала, у неё руки заняты.

— У неё руки заняты.

— Я так и сказал.

— И жилу её возьми, — сказала Швея.

Молодой посмотрел на моток, потом на то, что уже нёс. Швея продолжала идти. Кто-то впереди коротко засмеялся. Девушка перевела взгляд на Тринити: та шагала чуть в стороне, и руки у неё были свободны.

— Если бы Альфа был, мы бы это за цикл закрыли.

Бета шёл всё тем же шагом.

— Не начинай, — оборвала Швея.

— Я не начинаю, — ответил Клещ.

— Вот и не говори.

Дальше шли молча. Швея несла свою жилу сама.

Молодой замедлил шаг, обернулся назад, а затем пропустил Швею и поравнялся с девушкой. Подсумки мешали идти совсем рядом; он придержал один локтем, освобождая место между ними.

— Я Молодой.

Она повернулась к нему.

— Это позывной. Имя всё равно никто не помнит.

— А тебя как зовут?

— Икс.

Молодой подождал, будто дальше должно было быть ещё что-то.

Не было.

— Икс, — повторил он, словно попробовал на слух.

Он перекинул подсумок на другое плечо.

— А ты из какой команды?

— Я одна.

Он сбился с шага.

— Как одна? Совсем?

— Совсем.

Молодой оглянулся, не слышит ли кто, и придвинулся ближе.

— Это у тебя крылья от Серебра?

— Да.

Он заглянул ей за плечо, на узкую бирюзовую полосу сложенного крыла. Та почти не выступала из-за спины. Молодой наклонился ещё немного, но трогать не стал.

— Настоящее?

— Настоящее.

— Ух ты!

Икс посмотрела на него. Он улыбался и всё ещё тянул

шею, пытаясь рассмотреть крыло, поэтому на повороте ей пришлось немного подождать, чтобы он не задел её плечом. Молодой выпрямился, поправил подсумок, и дальше они пошли рядом. Она не отвернулась от него, хотя знала, что он продолжает смотреть.

Он покосился на её плечо, где не было ни номера, ни позывного.

— У тебя грейд — восьмёрка или выше?

Икс опустила голову и проверила руку. Манжета была застёгнута.

— Молодой! — позвали спереди.

— Иду!

Молодой побежал вперёд. На ходу из подсумка выпал инструмент. Он вернулся, подхватил его и догнал своих, уже придерживая подсумок рукой.

Бета сбавил шаг и пропустил Икс вперёд. Теперь она шла перед ним, рассматривала стены и проходы, и на третьем повороте задержалась — всего на полшага, но Бета успел это заметить. Икс повернула голову к стене, словно там что-то привлекло её, потом продолжила путь.

В стене, в небольшой нише, росло мелкое растение.

Молодой тоже оглянулся, проследил за её взглядом и пошёл дальше.

Бета дошёл до ниши и остановился. Что она там увидела?

Он посмотрел на стену и ничего не заметил. Чуть подождав, пошёл следом за всеми.

Тринити ждала его на повороте. Когда он подошёл, пошла рядом. Они чуть замедлили шаг, так чтобы отпустить всех вперёд.

— Ты понимаешь, что мы делаем?

— Понимаю.

Он свернул за поворот первым.

— Ходит одна, — сказала Тринити. — Такие или воруют, или бегут.

— Или чинят то, что не открывается другим, — сказал Бета.

— И крылья у неё от Серебра, — сказал он. — Ты видела, как она их сложила?

— Видела.

— Так складывают те, кто знает эти платформы.

— Человек с такими крыльями не летает по чужим карнизам в потёртом контуре, — сказала Тринити.

— Вот именно, — сказал Бета.

— И тебя это успокаивает?

— Меня это держит.

— Я спросил, как она это сделала. Она сказала: я его слушала.

— И что?

— И всё. Больше у неё ответов нет.

Тринити остановилась.

— То есть она вскрыла узел и даже не спросила, что она вскрыла.

— Не спросила.

— Люди из Дыхания так не делают.

— Не делают, — сказал Бета.

— А если кто-то случайно влез в чужое, он всегда спрашивает.

Он посмотрел туда, где она шла впереди них.

— А ещё тот, кто случайно влез в чужое, интересуется тем, что он натворил, — добавил он.

— А эта молчит.

У рамки никого не было.

Клещ дошёл первым и остановился так, чтобы остальные могли подойти следом.

Поднёс запястье. Рамка отозвалась на его строку и открыла проход.

«Принято».

Молодой подошёл следом, но руку не поднял. Оглядывался в переход.

— Ты куда? — спросил Клещ.

— Сейчас вернусь.

И побежал обратно в переход.

У ниши Молодой встал там, где до него задержались Икс и Бета. Положил ладонь на тёплую стену, присел и заглянул внутрь. В нише светилось мелкое растение.

Молодой подождал, выпрямился и посмотрел на ладонь. Потом пожал плечами и побежал обратно к рамке.

Клещ всё ещё ждал его с другой стороны. Крепление он к

тому времени перетянул заново.

— Ну? — спросил Клещ.

— Ничего, — сказал Молодой.

— Вот и я о чём.

Молодой поднёс запястье.

«Принято».

Швея прошла следом. Поравнявшись с Молодым, поправила ему подсумок: тот опять съехал с плеча. Он приподнял плечо, помогая ей, и снова посмотрел на рамку.

Тринити обогнала Икс у самой рамки и прошла, не сбавляя шага.

Икс видела, как люди проходят один за другим. Рамка сверяла строку: кто подтвердил объект, под каким кодом и хватает ли грейдов. Она знала эту проверку. Подставлять своё запястье не хотелось.

Молодой остановился с той стороны и смотрел, как подходит Икс.

— Её пропустят? — сказал он Клещу.

— Смотря что в строке.

— А если её там нет?

— Тогда не откроется.

Молодой шагнул ближе.

— И что?

— А я почём знаю? Мы же не каждый раз так делаем.

Клещ поправил крепление.

— Отойди. Дай пройти остальным.

Молодой отошёл.

Икс слышала весь разговор. В коридоре голоса шли далеко. Она подошла к рамке и остановилась, придерживая манжету у самой ладони.

С той стороны ждали остальные. Бета оставался сзади.

Пропустит. Он сказал: пропустит.

Она подняла руку.

В тот миг, когда её запястье пошло к рамке, Бета накрыл его сверху своим — вместе со слепком, зажатым в ладони.

Слепок лёг между её кожей и рамкой.

Рамка мигнула и открылась.

«Альфа. Подтверждено».

Он не сказал, кто она. Он сказал: эта с нами.

Бета убрал слепок. Икс шагнула за рамку и только там опустила руку.

Отметки на рамке погасли одна за другой. Она услышала, как кто-то из команды коротко выдохнул.

— Прошли.

Тринити подождала Бету у выхода. Пошла рядом, пропустив Икс вперёд.

— Надеюсь, ты не собираешься отдать ей свой архив?

— Собираюсь.

Бета остановился.

— Я дал своё слово.

Тринити помолчала.

— И ты всё равно.

— Тринити.

— Она только что спасла нам ордер.

— Просто проходя мимо. И, по-видимому, даже не зная, что сделала.

Он посмотрел вперёд, туда, где она ждала у перехода, от-
вернувшись от всех.

— Разве это не стоит того, что я ей пообещал?

Тринити сдвинулась, давая ему пройти.

Команда остановилась у выхода из проходной и ждала Бету, а Икс осталась на переходе между двумя ярусами. Сквозь решётчатый настил был виден город: сверху его ходы казались разложенной схемой, но глубже перекрывали друг друга и уходили в муть. Она поставила ноги чуть шире, повернулась боком к ветру. Воздух проходил снизу между фермами, поднимался сквозь решётку и уносил последние голоса со стороны проходной.

Смена кончилась, и переход опустел.

Икс ждала.

Крылья были сложены. Ничто не мешало раскрыть их и уйти.

Она всё ещё смотрела в сторону выхода. Сначала оттуда доносились шаги нескольких человек. Потом остались одни.

Бета подошёл и остановился рядом.

— Как тебя зовут?

Она ответила не сразу.

— Икс.

— Это не имя.

— Это всё, что есть.

Бета кивнул.

— Ты всю дорогу смотрела по сторонам. Совсем не так, как смотрят те, кто здесь впервые. Почему?

Икс подняла голову, но не ответила. Бета дал ей несколько секунд и больше не спрашивал.

— Держи, что обещал.

Она отвернула манжету — не до конца, ровно настолько, чтобыхватило контакта, и ни на палец больше. Протянула руку запястьем вверх.

Так берут архивы: сначала тот, кто получает.

Бета ждал этого момента весь путь.

Он посмотрел на цифру.

Двойка.

Двойке открываются первые и вторые узлы. Третьи уже нет.

Бета отвернул манжету, протянул руку вперёд и накрыл её запястье своим.

Он посчитал так, как считал наряд. Вопросов много. Цена высокая. Замены нет.

Перед ним стоял человек с двойкой, который только что закрыл восьмой узел. Отпустить её и сделать вид, что он ничего не видел, Бета уже не мог.

— Нам нужен один человек в команду, — сказал он.

Она оторвала взгляд от запястья.

— Ты умеешь то, чего не умеют другие.

— Команды у тебя нет.

— Поработай с нами.

Икс задержала дыхание.

— Нет. Я не работаю в командах.

Ветер прошёл снизу, сквозь решётку.

— Никогда не работала. Это не для меня.

Икс ждала, что он ответит. Бета молчал.

Передача закончилась раньше, чем она ожидала. Он отнял руку.

На запястье отображались строки, они приходили одна за другой. Она опустила глаза и стала читать.

Последней строкой пришёл грейд того, кто отдал.

Семь.

Икс перечитала. Не ошибка.

Семёрка.

У неё под манжетой оставалась двойка.

Икс вернулась к началу архива. В нём были схемы узлов и их расположение, подходы к ним, старые разрывы и последующие ремонты, даты заходов, номера бригад и составы тех, кто работал на объектах. Можно было открыть любой узел и посмотреть его историю — когда появился, сколько раз к нему возвращались, кто его закрывал и что осталось после.

Она сдвигала схемы, не задерживаясь, и раскрывала списки тех, кто приходил на ремонт. Сейчас ей нужны были люди.

61-я работала в этом квадрате более сорока лет. Одни и те же платформы появлялись снова с другими датами, менялись составы, и каждый раз Икс проверяла год, прежде чем уйти дальше в прошлое.

Бета оставался рядом, но не заглядывал туда, куда она смотрела. За его плечом был виден выход из проходной; Икс уже не следила, появляется ли там кто-нибудь. Она отодвинула очередную схему, развернула список и остановилась на строке.

Платформа шестая. Сорок лет назад. Бригада 61.

В строке стоял один позывной.

Третья.

Икс перестала двигаться.

Теперь она знала, где искать работу Третьей.

И там, где у всех стоит грейд, напротив неё не стояло ничего.

Вот она.

Ближе, чем сейчас, она не подходила никогда.

Бета отошёл и встал боком к ней. Когда Икс подняла глаза, он смотрел вниз, сквозь решётку, и с его места строки уже не были видны. Она вернулась к записям, подтянула следующую дату и раскрыла состав.

Платформа вторая. Тот же состав, тот же год. Третья — и снова пусто напротив.

Перегонный узел. То же самое.

Икс пошла дальше по датам. Позывной возвращался в

разных списках, но место для грейда везде оставалось пустым.

Она подняла голову с улыбкой и встретила взглядом с Бетой. Сразу снова опустила глаза к развёртке на запястье.

Бета заметил, что она что-то нашла. Что именно, он не знал, но видел, как быстро она вернулась к чтению. Может, теперь согласится.

— Одна декада, — сказал Бета.

Икс не двигалась.

— Всего одна декада. Посмотри, как мы работаем. Не понравится — уйдёшь.

Под настилом гудел ветер, протискиваясь между фермами. Икс посмотрела на знак у него на плече. Потом на открытую строку.

— Хорошо, — сказала Икс.

Бета кивнул, опустил манжету и пошёл к своим. Икс проводила его до поворота, дождалась, пока стихнут шаги, и только тогда снова приблизила строку с Третьей, напротив которой стояло пустое место.

Значит, убрали даже цифру.

Она свернула развёртку с запястья и опустила манжету. Внизу, в шести ярусах под ней, поворачивался распределительный узел; теперь Икс снова различала его среди остальных звуков. Удар, пауза, удар.

Третья работала в 61-й.

В той самой команде, куда её только что позвали работать.